

Образ турок в "Истории Мехмеда Завоевателя" Михаила Кривоула

Научный руководитель – Ярыгин Андрей Андреевич

Сурков Иван Евгеньевич

Студент (бакалавр)

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

E-mail: bano12@list.ru

Византийская империя, просуществовавшая более тысячелетия, была прямым продолжением Рима и эллинского мира, наследие которых в синтезе с восточным христианством создали основу этого государства. Унаследована была и греко-римская концепция варварства, разделение всех народов на ромеев и варваров. Взгляд на последних лишь на закате империи приобретает более сглаженные оценки. Образ «чужого» особенно сильно прослеживается в отношении к народам Востока, с которыми столетиями не прекращались кровопролитные войны. Но некоторые произведения поздневизантийской эпохи весьма лояльны к туркам, даже до открытого туркофильства.

В данном исследовании рассмотрен труд «История Мехмеда Завоевателя» Михаила Кривоула, традиционно считающегося представителем про-османской партии. С помощью изучения источника в ракурсе традиции византийского и, шире, античного историописания топоры и неотъемлемые особенности стиля отделяются от существенных мыслей автора. Через анализ биографии Кривоула вскрывается его мотивация писать в таком ключе. В образе турок мы находим культурные, религиозные, политические компоненты. Нашим важным методологическим основанием является поиск дихотомии «свои» - «чужие». При всем эксплицитно данному положительным облике турок важно выяснить, сохраняется ли здесь античная концепция варварства.

Мы действуем в рамках имагологии и литературной компаративистики.

В историографии оценки личности и труда Кривоула разнятся от традиционного клеймления его ренегатом в дореволюционной (П.Д. Погодин) и советской (З. В. Удальцова, С. К. Красавина) до трезвых оценок его работы Д. Райншем, Н.Э. Жигаловой, Л. Невилл и другими. В рамках имагологических исследований данный труд практически не был использован, анализ его в свете историографических традиций предпринят был лишь отчасти.

Современные историки в едином духе именуют Кривоула патриотом Византии и одновременно верноподданным султана [6, 311]. Филэллин, православный христианин, противник сближения с Западом, всегда сочувствующий своему народу. После взятия Константинополя Кривоул ради мира на островах, как наместник султана, ведёт про-османскую политику, спасая острова от разграбления. Исследователи объясняют симпатии византийских литераторов в отношении турок не просто корыстными устремлениями, а необходимым условием для продолжения нормальной жизни и деятельности в новых условиях без эмиграции [3,46].

«История Мехмеда II» - традиционное византийское историописание, выполненное «по стилю и духу» как энкомий в адрес султана [2, 257] Всё сочинение строится на имитации стиля, языка и образности античных авторов, что было характерно для Византии этого периода [4, 163] Мы можем проследить явную ориентацию на Фукидида, Геродота, Иосифа Флавия и Арриана.

Кривоул создаёт образ Мехмеда II в традиции описания великих царей [5, 173] с умышленной ориентацией на образ Александра у Арриана. К Мехмеду применяется исключительно императорский титул «*βασιλεύς*». Ему приписываются всевозможные положительные качества: он мудр, милостив, смел и т.д.

Критовул традиционно видит историю как чередование великих монархий, Время греко-римской империи прошло, на её место приходит турецкая держава. Образ османов в первую очередь - это образ великих завоевателей, македонян под руководством Александра. Мы видим величие предков в речах Мехмеда [1, 23], их военную мощь, развитость технологий и стратегии. Однако Критовулу не удаётся очистить образ великого народа-завоевателя от черт, столь прочно утвердившегося в византийском сознании образа «человека с востока» как варвара. Особенно ярко это видно в описании разграбления Константинополя, когда отношение Критовула к туркам, как грабителям, убийцам, святотатцам совершенно обнажается.

Важнейший маркер, по которому определяется дихотомия «свой»-«чужой» - культурная и религиозная идентичность народа [4, 291]. Это видно, например, по трудам таких авторов как Сфрандзи или Дука. Филэллин Критовул на протяжении всего труда превозносит греческую культуру, определяя её как превосходящую любую другую. Создавая положительный образ завоевателей Критовул пытается убрать культурную инаковость, возводя род турок к эллинам [1,13]. Мехмеду приписывается особый интерес к греческой культуре и философии, а также к христианству [1, 94]. Но в образе завоевателей собственно турецких компонентов практически не остаётся, ни в описании обычаев, бытовой культуры, искусства или философии. Ислам предстаёт перед нами крайне туманно: по смутным упоминаниям можно сделать вывод, что турки исповедуют некое неопределённое язычество.

Турецкая культура и религия являются настолько чуждыми и низкими для Критовула, что он не может или не хочет их в полной мере описать. Турки, как они есть, для нашего автора настолько «чужие», что их культура не заслуживает для него даже описания и изучения. Критовул до того встраивает их в античные реалии, что идентичность турок совершенно теряется, он создаёт некую мистификацию, пытается описать турок как «своих», но тем самым совершенно хоронит их идентичность.

Итак, образ турок на страницах «Истории Мехмеда II» сознательно архаизирован и эллинизирован. Османам придаются черты народа Александра Македонского, их правитель максимально сближается с вождём древних эллинов, завоевавших огромные территории. Признавая законность и неизбежность прихода новой власти, историческую обусловленность потери империей владычества, автор всё равно видит, что турки уничтожили его страну, превратили в руины главный Город на земле. Турки для Критовула остаются «чужим», относительно «варварским» народом, но за их действиями признаётся некое величие в плане завоеваний и военной науки. Признаётся наличие у них некоего культурного уровня, но религия и культура турок остаются для нашего автора, непроницаемыми и не познанными

Источники и литература

- 1) History of Mehmed the Conqueror by Kritovoulos / translated by Charles T. Riggs. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1970.
- 2) Бибииков М. В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1998.
- 3) Жигалова Н.Э. Византийское туркофильство: течение или увлечение? // Вестник ННГУ. 2017. №4. С. 45–52.
- 4) Куц Т.В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013.
- 5) Удальцова З. В. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула // ВВ. 1957. Т. 12. С. 172–197

- 6) Reinsch D. R. Kritovoulos of Imbros. Learned Historian, Ottoman Raya and Byzantine Patriot // Zbornik Radova Vizantinoloskogo Instituta. 2003. vol. 40. P. 297 – 311.